

РѢЧЬ,

произнесенная Г. Министромъ Юстиціи 2-го іюля 1897 года при открытіи судебныхъ установленій въ г. Иркутскѣ.

Высокочрестьяннѣйшій Архивисты! Ваше Высочайшее Превосходительство, Милостивые Государыни! Милостивѣйшія Государыни! Всевластнѣйшій Государь пріаслазь мѣня обьявить, что настала для Сибири великій знаменательный день, день повсемѣстнаго введенія въ ней новыхъ судовъ, образуемыхъ по судебнымъ уставамъ Императора Александра II.—Долго ждала Сибирь этого дня, давно стремилась она къ благамъ обновленнаго для всѣхъ единого правосудія. Еще въ половинѣ прошлаго вѣка Иркутскій депутатъ Алексѣй Сибирниковъ задался въ Екатерининской комисіи о сочиненіи узаконеній, что «нигдѣ такъ не потребны люди добрыхъ качествъ, по производству судовъ и свѣдѣній и всякихъ этого рода дѣлъ, какъ въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ столицъ» и, затѣмъ, при очертивъ тогдашніе сибирскіе судебные неурядки, убѣдительно выставлялъ причины, по которымъ «надлежитъ взорвать на дальнія страны и распологать, чтобы и въ нихъ царствовало такое-же правосудіе, какъ и въ городахъ столичныхъ». Съ тѣхъ поръ въ нескончаемой сѣтѣ годовъ и событій тинется рядъ попытокъ къ устроению правовой жизни Сибири и дается неустанная борьба законодательства и правительства съ различными темными явленіями этой жизни и, главнымъ образомъ, съ крѣпко укоренившимися въ ней безсудіемъ и безправіемъ. Свообразныя природныя и историческія условія крайне затрудняли эти старанія и часто дѣлали ихъ безуспѣшными; трудно бороться съ такими врагами, какъ отдаленность отъ центровъ, необозримость пространства, рѣдкость населенія, слабость культуры. Судебное переустройство Сибири въ смыслѣ объединенія съ другими частями имперіи всегда озабочивало дѣателей сибирскаго упрядоченія, начиная съ того знаменитаго отечественнаго законодателя, про котораго его сибирскій другъ и историкъ *) сказалъ: «бысть человекъ посѣтитъ сныше и шию его останется неизбывнымъ въ лѣтописяхъ всей Сибири». Но ни Сперанскій, ни наиболее энергичные изъ его преемниковъ, не были въ состояніи осободиться изъ того, какъ бы заколованнаго круга, всевозможныхъ недостатковъ неудобствъ и формальностей, въ которыхъ понятии времени былъ заключенъ старый судъ, бесавальный—и въ Сибири особенно—выполнить гавилъ лучшей наміренія законодателя. Когда-же во внутреннихъ мѣстностяхъ этотъ кругъ былъ разбитъ судебными уставами, то еще при начертаніи ихъ основныхъ положеній и для Сибири блеснула надежда на пріяніе судебной реформы. Однако-же, въ теченіе 30 лѣтъ многообразныя административныя и финансовыя препятствія задерживали осуществленіе этой надежды, которую тѣмъ не менше не переставали лелѣять всѣ свѣтлые умы по обѣимъ сторонамъ Урала. Скоро, впрочемъ, неотразимою силою ве-

щей законодатель былъ вынужденъ вступитъ на путь нестложныхъ, хотя-бы частичныхъ, исправленій и усовершенствованій. Въ этомъ отношеніи законъ 25 февраля 1885 г., на основаніи котораго до нынѣ дѣйствовали прежніе здѣшніе суды, пранесъ большую пользу судебному дѣлу въ Сибири уже тѣмъ, что подготовилъ почву и отчасти людей къ нынѣшнему преобразованію. Но паллаціанна, переходныя мѣры, улучшивъ сибирскую юстицію, не могли удовлетворитъ созиравшей потребности къ совершенно иной ея постановкѣ согласно общему судоустройству и судопроизводству Россіи. Подобно вставкамъ на обветшалой одеждѣ, подобно молодому вину, влитому въ старыя мѣхи, и улучшенный судъ не былъ и не могъ быть дѣйствительно новымъ судомъ. А между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ настоятельнѣе все привлекало общественное вниманіе и правительственную заботливость къ Сибирской окраинѣ. Въ незабвенное царствованіе славнаго памяти Императора Александра III безграничное прадлоубіе въ Богѣ почившаго Монарха не остановило передъ великодушнымъ признаніемъ, что мало еще сдѣлано и много нужно сдѣлать въ Сибири. Ея экономическое и бытовое развитіе неудержимо шло впередъ тѣмъ крупнымъ ходомъ, за которымъ трудно поспѣвать законамъ и учрежденіямъ. Старый судъ, не смотря на старую привычку къ нему, уже не отвѣчалъ новымъ запросамъ и отовсюду возникавшимъ надобностямъ; все въ Сибири требовало суда скората, праваго, малостанаго, равнаго для всѣхъ подданныхъ русской Державы. Недоставало лишь всемогущаго мановенія, которое должно-бы дѣло къ вождеденному окончанію. Но великъ Богъ земля русской—и не напрасна ея вѣра въ неистощимую мудрость правлшей нами Самодержавной Воли. Своими глазами видѣлъ, своимъ разуміемъ попллъ Сибирь благополучно царствующій возлюбленный Государь нашъ и, удостовѣрившись лично, до какой степени—необходимо ей истинное правосудіе наравнѣ съ остальной Россією» (какъ выражено въ Высочайшей резолюціи на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ). Онъ повелѣлъ: быть по всей Сибири новымъ судамъ. Исполнились заветныя ожаданія и надежды, исчезли затрудненія и препятствія, вавалась люди и денга—и обширная страна, почти половина Азіи, нынѣ съ глубочайшею вѣроподданнической благодарностью пріявѣтвуетъ дарованное ей новое правосудіе.

Чтобы оцѣнить по достоинству все громадное значеніе предпринятой реформы, необходимо, хотя бы въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ, дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чѣмъ отличается отъ стараго судъ новый, замѣняющій его для Сибири. Какими-бы ни были его мѣстныя особенности, названныя не случайностью или предвзятыми взглядами, а глубоко обдуманнми соображеніями первостепенной государственной

*) Садовцовъ.

важности, это прежде всего судъ по судебнымъ уставамъ, тотъ судъ, надъ входомъ котораго нтъ другихъ словъ, кроми правды и милости. Это судъ, отираваемый отъ Царскаго Имени высокостоящей судебной властью, судъ отдаленный и независимый,—не тѣмъ, конечно, чтобы органы его составляли объединенное, ревниво замкнутое въ себя вѣдомство, а тѣмъ, что никто и ничто, сверхъ закона и совѣсти, не управляетъ и не руководитъ правосудіемъ. Задача суда обуславливаетъ дружное, въ законныхъ предѣлахъ, единеніе его съ другими правительственными властями, но тѣ-же задачи не допускаютъ, безъ ущерба для дѣла, смѣшенія полномочій и вѣдѣній. И потому полицейское сѣдѣніе отходить въ область прошедшаго; судебныя дѣйствія, приговоры и рѣшенія повѣряются единственно въ порядкѣ судебныхъ инстанцій и уже не подлежатъ ничему постороннему контролю или утверждению. Судъ отиравается не заурядными чиновниками, а судебными дѣятелями, совмѣщающими вмѣстѣ съ нравственными и умственными качествами, требуемыми судебною службою, еще строгія условія образованія и практической подготовки. Судебная карьера судебныхъ чановъ оставлена точными правилами; судьба каждаго прежде всего въ его собственныхъ рукахъ, завися отъ его трудовъ и способностей; свобода судейской совѣсти ограждается несвѣдѣмостью коллегіальныхъ судей; суды сами поддерживаютъ и охраняютъ внутреннюю свою дисциплину, но за то въ отдаленныя и коллективно несутъ и отвѣтственность за всякое ея нарушеніе. И за прекрими судебными чинами есть не мало усердной и полезной работы, но то была по неводѣ работа разрозненная, тусклая, затрудненная. Новое судебное сословіе, магистратура, сплоченная уже сложившимися преданіями служебной чести и чистоты, въ полномъ составѣ своемъ призывается къ сознательному и идейному служенію высокимъ началамъ преобразованнаго суда. На первой ступени его вмѣсто далекаго коллегіальнаго суда въ городѣ, становится въ непосредственной близости къ населенію единоличныя мировыя судьи, прямые, всѣмъ доступные носители правосудія для народа.—Вмѣсто сложной системы судебныхъ инстанцій, среднихъ и высшихъ, съ обязательнымъ и по необходимости медленнымъ пересмотромъ въ нихъ дѣлъ, вся совокупность общахъ судебныхъ обязанностей и надзора стройно распределяется между окружными судами и судебной надатой въ общемъ для всей Имперіи законохранительномъ завѣданіи Кассационнаго Сената, до котораго доходить лишь достойныя этого дѣла наибольшей важности. Вмѣсто прежней скудости судебныхъ орудій и средствъ, при новыхъ судахъ дѣйствуетъ рядъ новыхъ, испытанныхъ и надежныхъ органовъ и учреждений: прокурорскій надзоръ, сосредоточивающій свои силы на государственномъ уголовномъ преслѣдованіи и охраненіи законныхъ порядковъ суда; Опекунскія присутствія, осуществляющія судебное наблюдение за дѣлами безпомощныхъ, сиротъ; нотаріусы какъ должностные составители частныхъ сдѣлокъ и актовъ; судебныя пристава въ губернскихъ и областныхъ городяхъ, какъ спеціальныя исполнители судебныхъ рѣшеній; присяжные частные повѣренные, ведущіе судебную защиту подъ бдительнымъ контролемъ судебныхъ вѣствъ.—Совершеннымъ формамъ суда соответствуютъ и высокія начала судебного производства. Обеспечивая полное раскрытіе судебной истины, они представляютъ вѣтъ того, до чего въ теченіе цѣлыхъ столѣтій додумалось человѣчество въ области правосудія.

Судъ совершается устно, т. е. судьи видятъ передъ собою живыхъ людей, слышатъ живую ихъ рѣчь, судятъ по непосредственнымъ личнымъ своимъ впечатлѣніямъ, а не по мертвымъ бумагамъ, которыя такъ часто бывають слѣпы и глухи къ жизненной правдѣ. Судъ творится публично, открыто, на виду у всѣхъ, на глазахъ у общества, и не съ ограниченнымъ, какъ-бы една терпимымъ доушеніемъ постороннихъ слушателей и зрителей, а съ тою широкою, обыкновенною гласностью, которая, составляя основную черту новой юстиціи, вошла въ плоть и кровь ея и предполагаетъ не одно лишь удовлетвореніе любвиществу или любознательности, но и свободное обсужденіе, критику. Сбросившія оковы формализма и неискренности, выведенныя на свѣжій воздухъ изъ мрака и духоты канцелярій, новый судъ не столько розыскиваетъ, сколько съ спокойствіемъ безпристрастія разбираетъ, безъ ухищреній, по закону и убѣжденію, происходящій передъ нимъ правыйный споръ двухъ равноправныхъ сторонъ: обвинителя и обвиняемаго, истца и оспытчика. Всякій считается правымъ и честнымъ, пока противное не будетъ доказано тѣмъ, кто ищетъ или обвиняетъ. Изъ столкновенія фактовъ и вѣствій добывается истина, но вслѣдъ въ ней сомнѣніе толкуется не въ сторону подозрѣнія или измыслианія, а въ пользу правоты и невинности. Судъ вѣдаетъ по дѣламъ, не по лицамъ; передъ нимъ равны сильный и слабый, богатый и бѣдный; судъ воздастъ каждому должное, но поинятъ, что кому много дано, съ того много и вымещается. Судъ признаетъ въ каждомъ передъ нимъ предстоящемъ его человѣческую и гражданскую личность, его неотъемлемыя права. Даже карая и вымещая, судъ бережетъ чело-вѣка, а не унижаетъ и унижаетъ его. И самый законъ—этотъ высшій принципъ судебной дѣтельности, прилагается новымъ судомъ не какъ механическое, сухое воздѣйствіе на людей, а какъ благотворная сила, вносящая въ общество миръ, покой и порядокъ. Общественная жизнь и частное личное существованіе должны сдѣлаться легче при новомъ судѣ. Онъ зорко стоитъ на стражѣ ихъ интересовъ, молчаливый и незастѣнчивый при соблюденіи права, грозный—при его нарушеніи. Всѣ эти главнѣйшія очертанія вводимаго здѣсь новаго суда—все это положенія простыхъ, почти забытыхъ, но ихъ впервые въ ихъ цѣлности провозглашаемыхъ въ Сибирь властный голосъ закона и ими держится лучшее гражданское достоинство чело-вѣка—уѣренность въ правѣ, дѣйствительная защита отъ всякаго на него посягательства.

А законъ судъ—таковы должны быть и судьи, всѣ дѣатели, всѣ чины вновь учреждаемыхъ судебныхъ установленій и къ нимъ въ особенности и обращаю теперь мое слово. Вамъ, гг., выпала рѣдкая доля быть первыми пионерами новаго суда на обширной русской окраинѣ. Вамъ милостиво сказано съ высоты Престола: трудитесь, мужайтесь, не бойтесь невзгодъ и замѣнъ, зорко храните законъ, смѣло стойте за правду—и велика будетъ Ваша патриотическая заслуга. Что прибавить къ этому потрясающему призыву для тѣхъ, въ чьемъ вѣрноподанническомъ сердцѣ зажегъ огонь рѣшимости самоотверженно послужить правосудію въ здѣшнемъ край? Этотъ край представляеть поправѣ трудное, но богатое, почетное и—будемъ надѣяться—благодарное. Еще недавно талантливый сынъ Сибири писалъ въ заключеніе своего замѣчательнаго о ней наслѣдованія: «Если на зарѣ своей исторіи эта окраина и не видѣла радостныхъ дней, то вѣра въ ея лучшую буудущность, вѣра въ счастье и благо-

денствие, доступное всякъ народамъ, должно воодушевить и поддърнать тѣхъ, кто отдастъ свои силы и труды на «я обновленіе»^{*)}. Эта прекрасная мысль неслѣдуетъ относиться къ новымъ судебнымъ дѣлателямъ, посвящающимъ свою службу Сибири, и прежде всего къ тѣмъ изъ нихъ, которые, будучи ея уроженцами или давними обитателями, останутся дома и среди привычной имъ обстановки. Въ числѣ ихъ настоящіе сибиряки поочерно утѣшеніе въ самой возможности стать у себя провозвѣстниками и проводниками усвоенныхъ еще съ университетской скамьи благородныхъ завѣтовъ судебной реформы. Дѣтели, удостоенные перехода въ новые изъ старыхъ сибирскихъ судовъ, будутъ имѣть за собою важное преимущество знанія мѣстности, быта, людей; уже закаленные въ неизбежныхъ трудностяхъ они оправдятся новыми силами въ предстоящемъ высокому служению. Но пусть не смущаются и пришельцы изъ-за Урала въ новое сибирское судебное вѣдомство. Имъ въ особенности слѣдуетъ помнить, что, по справедливой и трогательной вѣрѣ народной, за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ, что чѣмъ тяжелѣе, отвѣтственнѣе и нужнѣе та служба, тѣмъ больше чести и славы снѣго воспаивать ее. Они приносятъ въ Сибирь познанія, опытъ, приемы, уже испытанные на внутреннихъ русскихъ судахъ; они, эти пришлые дѣтели, учились и воспитывались на практикѣ судебныхъ уставовъ; они провинились ихъ духомъ и будутъ счастливы сблечь его на своемъ перевозномъ сибирскомъ посту. Напоминать-ли имъ новымъ судебнымъ чинамъ объ ихъ общихъ обязанностяхъ, говорить-ли судьямъ и прокурорамъ, что безпристрастіе, справедливость, законность составляютъ первѣйшій ихъ долгъ, а человеколюбіе, снисходительность лучшее его украшеніе? Не значить-ли это повторять, доказывать очевидное, несомнѣнное, то, безъ чего немисланнымъ и правильное отправление правосудія, ни достойная служба въ судебныхъ рядахъ? Но и все-таки считаю нужнымъ напомнить судебнымъ чинамъ, что они и судъ ихъ существуютъ для общества, гражданъ, а не обратно; что довѣрѣ и уваженіе населенія приобретаются только терпѣливъ и внимательностью ко всякому обстоятельству, ко всякой надобности, какъ-бы мала она ни казалась; что для суда ничтожныхъ дѣлъ имѣть, а есть только дѣла простые и сложные, легкие и запутанные, правыя и неправыя. И еще я скажу сибирскимъ судебнымъ дѣтелямъ, что если судъ ихъ не будетъ скоръ, а дѣйствія въ одно и то же время и осмотрительны, и рѣшительны, то трудно рассчитывать на успѣхъ; нужно заставить Сибирь забыть о былой волокитѣ, отъ которой она страдала не менѣе чѣмъ отъ неправды. Но служители новаго суда слишкомъ хорошо знаютъ, что они могутъ быть правыя и равныя только при скорости, потому что всякая правда терпитъ въ судебномъ томленіи и равенства уже нѣтъ тамъ, гдѣ по судейскому усмотрѣнію нужна одного разрѣшается, тогда какъ рядомъ другой ислепогаетъ отъ медленности. Последнимъ-же общимъ моимъ пожеланіемъ да будетъ то драгоценное свойство увѣжденной работы, тотъ чудный даръ Неба, который одушевляетъ самаго скромнаго труженика, животворитъ самую тяжелую дѣлательность. Любите, гг., судебное дѣло, какъ вѣреное — оно достойно того; влагайте въ него «душу живу», бойтесь за него сердца, радуйтесь его преуспѣванію — и, укрѣпленный и совершенствованный, оно само поддѣржитъ и поддержитъ васъ въ горькія минуты уединенія и испытаний.

^{*)} Ядринцевъ. — Сибирь какъ колонія.

Видя передъ собою всѣ учрежденія, всѣ органы мѣстнаго судебного вѣдомства, и позволяю себѣ прежде всего выразить полную увѣренность, что подъ просвѣщеннымъ руководствомъ высшихъ его представителей, посылъ судебная часть въ Сибирь будетъ сразу, съ первыхъ шаговъ своихъ, направлена на единственный вѣрный путь, въ точности предугазанный Создателемъ Судебныхъ Уставовъ. Отъ гг. Судей Иркутской Судебной Палаты и Окружныхъ Судовъ ея огромнаго округа будетъ зависѣть такъ постановить и Судъ, и судебный надзоръ, чтобы потерпѣвшіе и обремененные находили въ судѣ олотъ и приближеніе, а не тяготу или бремя, чтобы виновные и обидчики въ самой карѣ закона встрѣчали справедливое возданіе, а не жестокую месть. «Не бойся суда, а бойся судьи» — это стародавнее извѣстное и скорбное изреченіе при новомъ судѣ да на вѣкъ изгладится изъ памяти сибирскаго населенія. На гг. участковыхъ мировыхъ судьяхъ лежитъ въ этомъ смыслѣ особенно важная и отвѣтственная обязанность. Распредѣляемые по городамъ и округамъ, совмѣщая въ своемъ вѣдѣніи и слѣдственныхъ, и судебныхъ, и нотаріально-охранительныхъ полномочій, они являются тѣми первыми органами правосудія, съ которыми всего больше и чаще обыватель будетъ соприкасаться въ своемъ повседневномъ быту. Въ нихъ предстоитъ ему прабѣгать со всеми его судебными надобностями, они будутъ ближайшими вершителями правовыхъ судьбъ его и хранителями мира въ его личномъ и хозяйственномъ обиходѣ, отъ нихъ онъ получитъ и совѣтъ и рѣшеніе, по нимъ-же и по ихъ дѣйствіямъ онъ станетъ судить о новомъ судѣ. Между вновь назначенными мировыми судьями есть не мало людей молодыхъ, но мы не боимся этого, ума, скоро переходящаго свойства: опытъ неуклонно и неразлучно сопровождаетъ ревностный трудъ, выдержка и характеръ восполняютъ года, а молодость — значить бодрость, энергія, выносливость — и въ молодости, руководимой образованіемъ и воспитанностью, всегда свѣжѣе и ярче благородные идеалы добра. Правительство твердо надѣется, что сибирскіе мировые судьи окажутся на высотѣ этого исключительнаго призванія и будутъ творить Царское правосудіе съ честью, съ усердіемъ — скажу больше — съ благоговѣніемъ. Въ глуши, въ одиночествѣ, среди суровой природы и чуждыхъ людей это будетъ своего рода подвигомъ, но пусть даже и такъ — сознательный подвигъ и безкорыстная жертва возвышаютъ и облагораживаютъ того, кто способенъ на нихъ. Въ подобномъ служеніи ярко засвѣтится неара Божія, озаряющая темноту, и если съ теченіемъ времени цѣль Мирового судья сдѣлается въ Сибири живымъ символомъ закона и правды, то новые судья сослужатъ великую, незабываемую службу Царю и отечеству. А въ вашемъ лицѣ, гг. почетные мировые судьи, влчченныя въ числа вѣстныхъ и уважаемыхъ мѣстныхъ дѣлателей, мѣстное общество здѣсь впервые приметъ участіе въ Коронныхъ судѣхъ. Вы предоставите ему вашу многостороннюю житейскую опытность, ваше глубокое знаніе мѣстныхъ условій; онъ-же, въ свою очередь, непосредственно ознакомитъ васъ съ духомъ и порядками вновь введеннаго правосудія. Это симпатичное, освѣжающее общеніе есть первый шагъ общественной самодѣлательности, на сколько она возможна въ сферѣ Суда. Отъ судей всѣхъ ранговъ естественный переходъ къ ихъ сотрудникамъ и собратьямъ по судебному оружію, къ чинамъ того прокурорскаго учрежденія, которое и въ новомъ, часто судобномъ своемъ значеніи, не должно потерять

своего исторического, преемственного наслѣдія. И при помощи государственномъ обвиненій прокурорскій надзоръ не перестаетъ быть въ подлежащей мѣрѣ, какъ выражался нашъ старый законъ, «окомъ Царевымъ», стражемъ законности, «испытателемъ наказанія и заступникомъ невинности». Въ этомъ и сила, и цѣнность, и обаяніе обновленнаго учрежденія. Изъ всѣхъ судебныхъ чиновъ, чинъ прокурора, быть можетъ наиболее знакомъ и близокъ Сибири еще современіи тѣхъ мужественныхъ прокуроровъ и страницъ, которые въ старые годы, передъ вхождою Сперанскаго и впоследствии, не разъ здѣсь боролись и терпѣли за правду. Въ Сибири не новость неожиданное и благотворное появленіе прокурора тамъ, гдѣ нужно раскрыть трудно поддающіяся правосудію злоупотребленія или хищенія. Многое съ годами вышло изъ Сибири, но крупныя преступленія и беззаконія не могли въ ней исчезнуть—и живы въ ней прокурорскій надзоръ. Наконецъ, нѣсколько словъ по адресу вновь поступающихъ нотаріусовъ и членовъ адвокатскаго сословія. Ихъ еще мало, но крайне желательно, чтобы и они всею своею дѣятельностью подали хорошей примѣръ другимъ, будущимъ вспомогательнымъ лицамъ судебного вѣдомства. Участвуя въ юридическихъ сношеніяхъ и дѣлахъ частныхъ лицъ, они должны облегчать, а не затруднять эти сношенія и притѣять обывателей къ мысли, что можно събѣло довериться всему принадлежащему къ новому судебному строю. И мы надѣемся, что сибирякамъ не придется жалѣть ни о столѣ крѣпостныхъ дѣлъ, ни о дореформенныхъ воѣбранныхъ и ходатаяхъ.

При всемъ разнообразіи требованій предъявляемыхъ къ различнымъ разрядамъ сибирскихъ судебныхъ чиновъ всѣ эти требованія сводятся въ громадную, трудную, но неострашно привлекающую задачу. Ея успешное достиженіе можетъ наполнить личное существованіе, можетъ дать дѣятелю высшее нравственное удовлетвореніе, а въ жизни цѣлой страны проложить глубокій, долговременный слѣдъ. Всѣ классы, всѣ категоріи сибирскаго населенія, каждый по своему, ждутъ возвышеннаго имъ дѣйствія новыхъ судовъ. Военные сибиряки, издавна не избалованные совершенствомъ гражданскихъ порядковъ по необходимости уважали и съ старыми судомъ. Но и они съ могучимъ развитіемъ культурныхъ и экономическихъ отношеній не могутъ не стремиться къ новому, лучшему, къ тѣмъ уже испытаннымъ началамъ и формамъ преобразованнаго правосудія, которыми такъ дорожатъ и гордятся остальные Россія. Надвигающаяся изъ нея переселенческая волна можетъ лишь усилить это теченіе: пришлые русскіе поселенцы вправѣ негать и въ Сибири на новыхъ мѣстахъ, тѣмъ же способамъ ограниченія личности и имущества, съ которыми она связалась на родинѣ. Пора наступать даже открыть доступъ къ истинному правосудію и для необездоленныхъ инородцевъ, приобщаемыхъ къ общему равенству передъ учрежденіями и законами. Но еще важнѣе потребности болѣе общаго, государственнаго, почти мирового значенія. Расширяющіяся въ Сибири промышленныя и торговыя обитія, ваше наступательное, цивилизаторское движеніе съ Запада на Востокъ отнынѣ по великому сибирскому желѣзному пути—все вызываетъ въ соответствующую

законную и дѣйствительную охрану права благоустроеннымъ и скорымъ судомъ. Безъ нея невозможна и безпорядочна была-бы и полая жизнь, уже зародившаяся на сибирскомъ просторѣ. Холодные сибирскія зимы, непроходимыя снѣга, еще пустынные горы и рѣки, безпредѣльная тайга—но и среди нихъ живутъ и работаютъ люди, заслуживающіе этой охраны, не маленіе природнаго права на правду и милость. И вотъ именно тутъ, въ этомъ посылномъ водвореніи правды и милости ваша душевная цѣль, гг. чины новыхъ сибирскихъ судебныхъ установленій; къ ней вы должны устремить всѣ ваши усилія. Далекій отъ кичливой мысли о томъ, что съ начатіемъ вашей дѣятельности въ Сибири сразу улучшится ея гражданскій бытъ, и тѣмъ не менѣе полагаю, что уже великій отдаленный призваніе, великій поворотъ въ этомъ смыслѣ будетъ ошутительною вашей побѣдой. Лишь медленно и постепенно распространяется и утверждается «въ народѣ то уваженіе къ закону, которое по Державному слову Законодателя 20 ноября 1864 г.—«должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждого отъ высшихъ до низшихъ». Но когда шагъ за шагомъ, дѣло за дѣломъ, упорнымъ трудомъ и разумной настойчивостью вы отнимаете хотя пядь Сибирской земли у безарійя, когда поистинному всюду кругомъ зло начнеть васъ страшиться, а доброе вамъ сочувствовать—уже и тогда съ вами будетъ спокойствіе совѣсти и одобреніе отечества.

Время идетъ, дивныя вѣднія Промысла совершаются..... Въ настоящую торжественную историческую минуту возвышенъ подъемъ духа и чувства возмываетъ всѣхъ насъ надъ блѣдною обыденностью. Сегодня не мы одни празднуемъ здѣсь, въ главномъ центрѣ Сибири, судебное ея возрожденіе. Сегодня повсюду, на всемъ необъятномъ ея пространствѣ, отъ Урала до Океана, на берегахъ великихъ водныхъ путей, во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ Западной и Восточной Сибири, вездѣ торжествуютъ введеніе къ ней Судебныхъ Уставовъ Пинератора Александра II. Не зайдетъ еще солнце на Сибирскомъ материкѣ, какъ судебная реформа станетъ для него дѣйствительностью. Желанная вѣсть объ этомъ еще сегодня перелетитъ за тысяча версты, къ подножію Всероссийскаго Престола и отзовется въ любвеобильныхъ, царственныхъ почтеніяхъ объ устроеніи и благи Сибирской окраины. Русскимъ величьемъ, русскою мощью и ширью дышетъ это событіе и съ восторженными умилевіемъ всѣ истинно русскіе люди, кому дорого мирное процвѣтаніе родины, преклоняется передъ нимъ. Нѣкогда Русь силой, оружіемъ, кровью покоряла Сибирь; теперь чередъ завоеванія свѣтомъ, законностью, справедливостью!

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію объявляю урядничными прежнія сибирскія судебныя мѣста и открываю Иркутскую Судебную Палату и Иркутскій Окружный Судъ съ прокурорскимъ при нихъ надзоромъ, мировыми судьями и всѣми учрежденіями и лицами, состоящими при новыхъ судебныхъ установленіяхъ.

Приглашаю гг. судей, еще не присягнувшихъ въ этомъ аваніи, принять судебскую присягу въ моемъ присутствіи.